

шение к нравственным постулатам христианства. Более того, как мы попытаемся дальше показать, в 1924 г. он создал развернутое сатирическое иносказание о гонениях на православное духовенство и об организации обновленческой церкви. Оно вплетено в повесть «Роковые яйца».

Присутствие иносказательных мотивов, скрытых реминисценций и потаенных ассоциаций в семантической структуре этой повести, сейчас уже, вероятно, не вызывает сомнений. Независимо друг от друга их отмечают разные исследователи (см. [7—10]). История с открытием красного луча, положенная в основу сюжета, имеет не только непосредственный (научно-фантастический), но и параллельный, иносказательный смысл. Естественнонаучная антиутопия пронизана здесь токами антиутопии социальной. На иносказательном уровне это произведение предстает как своего рода социально-политический шарж, в образах главных героев просвечивают аллюзии и на политических деятелей — Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева: вымышленные персонажи как бы помечены знаками аллюзионных реминисценций (см. подробнее [9]).

Составной частью этого скрытого шаржа является и развернутая сатирическая аллюзия на события начала 20-х годов, касающиеся церкви. При этом применен любопытный прием, с помощью которого вводится и разворачивается данная тема. Напомним, что существенную роль в научно-фантастическом сюжете повести играет такое его звено, как история с гибелью кур в России. Она позволяет автору мотивировать возникновение замысла об использовании свойств волшебного луча для того, чтобы «возродить в течение месяца кур в республике» [11, с. 92] (а на этот замысел и попытки осуществить его нанизываются дальнейшие события). Но эта тема используется и в других целях. Поэтика здесь по воле автора удовлетворяет двум требованиям: служит разворачиванию научно-фантастического повествования и вместе с тем является носителем параллельного иносказательного ряда. Картины куриного мора (и особенно гибели кур на дворе овдовевшей попадьи) выписаны реально и сочно, прямо-таки с искусством живописца-бытописателя. И тем не менее они выполняют еще одну функцию, таят в себе еще один, уже скрытый план. Сквозь внешние колоритные описания мерцает замаскированное иносказание о гонениях на православную церковь и репрессиях против высшего духовенства. Само название главы «Куриная история» включает в себе игру слов, связанную с представлением о *курии* (лат.), т. е. о совокупности центральных учреждений церковной власти (при папском престоле). Соответственным образом осмысляются и другие слова того же корня, в частности, понятие куроводства, которым пытается и дальше заниматься вдова соборного протоиерея, «скончавшегося от антирелигиозных огорчений» [11, с. 63]. Не случайно, видимо, выбрана и фамилия покойного протоиерея и его вдовы — Дроздовы. Она несет на себе символическую окраску: Дроздов — мирская фамилия одного из столпов русской православной церкви — митрополита Филарета (1783—1867), автора известного катехизиса¹. Игра слов заключена и в названии пьесы Эрендорга, якобы написанной в связи с куриным мором и озаглавленной «Курийдох» [13, с. 211]. В словесной форме «курий» сильнее, чем в слове «куриный», ощущается сходство со словом «курия» — каламбур оказывается как бы заостренным. Автор воспользовался возможностью спародировать Эренбурга, у которого есть стихотворение о Емельяне Пугачеве под названием «Пугачья кровь» (в тексте несколько раз употребляется также выражение «Пугачья голова») — это, видимо, и спровоцировало пародийную аллюзию. (Оговоримся, что

¹ Филарет был символом русской церкви не только в глазах Булгакова — ср. воспоминания Н. Бухарина: «Мы ободрали церковь как липку, и на ее „святые ценности“ ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим, при ГПУ мы воздвигли свою „церковь“ при помощи православных попов, и уже доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу „Азбукой коммунизма“, закон божий политграфотой...» и т. д. (цит. по [12, с. 93]).